

УДК 94(477.54)»1921/1929»:323..3-058.17

С.И. МЕШКОВАЯ

ЛИЧНОЕ ДЕЛО «ЛИШЕНЦА» П.С.АТАМАНЧУКА О ВОССТАНОВЛЕНИИ ЕГО В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ (АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА)

Мешковая Светлана Ивановна – доцент кафедры политической истории Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», кандидат исторических наук

У статті аналізуються знайдені в Державному архіві міста Києва документи особової справи радянського «позбавленця» щодо відновлення його у виборчих правах.

Ключові слова: позбавленці, виборчі права, торговець, маргінали, суспільство, соціальні ізгої.

В статье анализируются обнаруженные в Государственном архиве города Киева документы личного дела советского «лишенца» о восстановлении его в избирательных правах.

Ключевые слова: лишенцы, избирательные права, торговец, маргиналы, общество, социальные изгои.

The paper provides an analysis of the personal file records found in the State Archive of Kiev pertaining to the restoring of the electoral rights of a Soviet «disenfranchised».

Keywords: disenfranchised, electoral rights, merchant, marginalized, society, social outcasts.

© С.И. Мешковая, 2013

Постановка проблемы. Архивные документы персонального характера – важнейший источник ретроспективной информации в области микроистории. Исследование традиционно теряющегося в глобальном историческом просторе ничем особо примечательного «маленького человека» с его частной жизнью, образом мышления, личными трагедиями и достижениями создают предпосылки для изучения истории общества в целом, осознания направляющих тенденций общественного развития в определенный хронологический период. В качестве информационного объекта подобного рода источники являются незаменимыми и в изучении проблемы «лишенцев» – искусственно созданной маргинальной прослойки советского общества. Актуальность исследуемой проблемы, прежде всего, в ее абсолютной неизученности отечественными историками, оставившими без внимания огромный пласт архивных источников, всесторонне освещающих приватный аспект существования представителей значительной категории населения Советской Украины времен новой экономической политики.

В данной статье анализируются впервые введенные в научное обращение документы личного дела «лишенца» П.Атаманчука о восстановлении его в избирательных правах, хранящиеся в Государственном архиве города Киева. Цель работы заключается в исследовании, на примере конкретной личности, законодательной подоплеку ограничения и восстановления в правах, механизма рассмотрения подобного рода дел, отдельных черт социального облика и повседневной жизни «лишенцев».

Изложение основного материала исследования. В 1918 г. Конституцией РСФСР было задекларировано создание в Советском государстве особой категории граждан-«лишенцев», социальное происхождение и образ жизни которых так или иначе противоречили большевистской идеологи-

ческой догме. Не выбирали и не имели права быть избранными лица, пользующиеся наемным трудом «с целью извлечь прибыль», лица с нетрудовыми доходами (процентами от капитала, доходами от предприятий, имущественными поступлениями), частные торговцы и коммерческие посредники; монахи и духовенство всех церквей и культов, члены царского дома Романовых; служащие и агенты царской полиции, особого корпуса жандармов, охранных отделов, а также лица, ранее руководившие деятельностью полиции, жандармерии, карательных органов; осужденные; признанные в установленном порядке душевнобольными и безумными [1].

Поражение в избирательных правах влекло за собой и другие, так называемые, «дополнительные ограничения»: выселение из квартир и городов, «огульное лишение» заборных книжек, права на медицинскую помощь, прав застройки, права на социальную помощь учащимся системы профессионального образования, исключение детей из школ и многое другое [2, л. 4; 3, л. 57]. Неудивительно, что в 1923 г. советские бюрократы с уверенностью констатировали: «Было время, когда этот вопрос мало кого интересовал. Теперь же «голосом» дорожит каждый» [4, л. 23]. Являясь по сути гражданами второго сорта, «лишенцы» не оставляли попыток вернуть гражданские права. Административные отделы исполнительных комитетов всех уровней, городские и сельские советы буквально утопали в заявлениях ущемленных в правах соотечественников.

Постановлением избирательной комиссии, накануне очередных перевыборов, в разряд «лишенцев» был зачислен ломовой извозчик Петр Сергеевич Атаманчук, 1892 года рождения, уроженец села Великая Снетинка (ныне – Фастовский район Киевской области – Авт.). Его личное дело включает в себя: две анкеты (печатную и рукописную), автобиографии П.Атаманчука и его супруги, справ-

ку домовладельца, подтверждающую проживание супругов в доме № 2 по Ново-Вокзальной улице города Киева, короткое письменное свидетельство некоего члена «союзов» металлистов и работников коммунального хозяйства Константина Ивановича Кусницына с характеристикой на П.Атаманчука.

29 ноября 1928 г. «лишенец» П.Атаманчук обратился в Административный отдел Киевского окружного исполнительного комитета с просьбой о восстановлении его в избирательных правах. Дело же было начато только 12 мая 1930 г. со следующей резолюцией: «Зважаючи на те, що гр. Атаманчук хоч і торгував (дрібна торгівля) в 1925 р., але з того часу працює загально-корисно, а тому підтримати клопотання про надання йому виборчого права» [5, л. 1]. Таким образом, четко называется причина лишения избирательного права – П.Атаманчук попадал в зафиксированную Конституцией категорию чуждых советской власти частных торговцев и коммерческих посредников. Между тем, сам «лишенец» упорно отрицал данный факт. В автобиографии он указал: «Родился в ... семье крестьян. Родители имели две лошади и корову, занимались хозяйством. Я проживал с ними вместе до военной службы. В 1917 году был демобилизован. В 1918 году женился в Киеве на горожанке и с тех пор живу в городе. Работал на артскладе до 1921 года, потом поденно до 1925 года, затем в 1925 и 1926 году работал в ресторане официантом, после ликвидации ресторана был без работы. В 1927 году с 1-ого октября поступил в артель, где проработал до 1-ого января 1930 года. В настоящее время работаю в транспорте Киевторга» [5, л. 5]. Все даты и места работы, указанные в автобиографии, старательно подчеркнуты красным карандашом советского чиновника.

В избирательной анкете на вопрос № 9 «Принадлежит ли или принадлежал раньше и когда именно к категории торговцев, торговых посредников (комиссионеров), служителей культов, служили ли в белых армиях и в течение какого времени, в каких именно частях и учреждениях, на каких должностях и в течение какого времени», «лишенец» категорически ответил «нет» [5, л. 2]. Отрицал факт занятия П.Атаманчука частной торговлей и К.Кусницын: «Никакой эксплуатацией наемной силы не пользовался, а также никакой торговлей не занимался» [5, л. 3]. Причем, документ передает твердую уверенность свидетеля в сказанном, без тени сомнений и колебаний. Именно поэтому возникает подозрение если не в чиновничьей халатности, повлекшей за собой неправомерное ущемления в правах, то во всяком случае в истинности причины лишения права голоса. Впрочем, можно предположить, что П.Атаманчук намеренно скрывал правду, заручившись известными методами поддержкой свидетеля. Хотя, с другой стороны,

«угрожающий» тон анкеты не предполагал каких-либо манипуляций совестью. Уже на первой странице значилось: «За неправильные сведения лица, виновные в этом, подлежат ответственности по ст. 90-й Угол. Код.»; и далее – «Писать четко чернилами» [5, л. 2].

В целом, ответы на вопросы обеих анкет вполне ясные и конкретные: национальность – украинец; наемным трудом не пользовался; налогом облагался за последние два года как извозчик одноколки; член МОПРа и «Асавиохему»; на вопросы об использовании ранее наемного труда, получении доходов от частных предприятий, о поражении в правах по суду П.Атаманчук коротко ответил «нет» [5, л. 2, 7]. Но некоторые ответы все-таки кажутся довольно странными. Так, на вопрос «Источники существования...» он неожиданно ответил «хлебороб», будучи, как уже выяснилось ранее, жителем Киева и ломовым извозчиком [5, л. 2]. На вопрос рукописной анкеты «Чи громадянин СРСР, коли ні, то якої держави», П.Атаманчук вместо ожидаемого «да» в подтверждение признания своего советского гражданства и Советского Союза, как единственной родины, подозрительно конкретизировал – «УССР» [5, л. 7]. Что это – путающие мысли страх, растерянность, робость, которые буквально сковывали «маленького человека» с навязанным комплексом социальной неполноценности в бюрократических кабинетах новой власти; или неловкие попытки скрыть правду во благо самого себя; а может быть малограмотность, слабое знание политической конъюнктуры? Причин могло быть множество.

Не дает четкого ответа об истинной подоплеке лишения избирательных прав и «Справка для предоставления в админотдел», выданная домовладельцем дома № 2 по Ново-Вокзальной улице, где проживала семья П.Атаманчука. Тем не менее, документ освещает бытовую сторону жизни «лишенца» и его домочадцев: «... занимают квартиру из 2-х комнат площадью 5 кв. саженей и кухни площадью 2^{1/2} кв. саженей, платят по 7 руб. в месяц. В квартире живет гр. Атаманчук с женой, четырьмя детьми и братом» [5, л. 4].

Таким образом, в переводе на современные параметры, семья из 7-и человек, в буквальном смысле слова ютилась на 34-х кв. метрах жилой площади, а значит не могла подозреваться в особой, чуждой советской власти, зажиточности. Впрочем, пресловутая жилищная проблема в первые (да и в последующие) десятилетия советской власти являлась одной из острейших социальных проблем и «лишенцев» она затрагивала особенно. Подтверждением тому служат, например, выборочные данные проведенного в 1924г. осмотра квартир лиц, лишенных избирательных прав города Харькова, [6, л. 8-9]:

Адрес дома	Фамилии жильцов	Количество комнат	Количество жильцов	Официальное положение
ул. Котлова, 108	Ростовцева	1 комната	4	торговка
ул. Котлова, 112	Орехов	2 комнаты и 2 кухни	13	ваньки
Сахарно-заводская ул., 4	Иванов	1 комната и 1 кухня	5	ванько

Клочковский переулок, 2	Марков	2 кухни	6	ваньки
Клочковский переулок, 4	Геращенко	3 комнаты и 3 кухни	40	ваньки
Ващенковская Левада, 2	Рябокоть	1 комната	6	ваньки
Ващенковская Левада, 10	Ковалева	1 комната и 1 кухня	6	ваньки
Ващенковская Левада, 10б	Савченко	2 комнаты и кухня	9	ваньки
Ващенковская Левада, 12	Кудрявцев	2 комнаты и кухня	9	ваньки
Ващенковская Левада, 14	Геращенко	2 комнаты и кухня	7	ваньки
Ващенковская Левада, 19	Шевченко	1 комната и 1 кухня	6	Без определенных занятий
Ващенковская Левада, 6	Оболенцев	кухня	5	Без определенных занятий

Очевидно, что жилищные условия рядовых «лишенцев» зачастую были невыносимыми. Как размещалось на крайне ограниченных квадратных метрах подобное количество людей, каким образом удовлетворялись их элементарные бытовые потребности, какие психологические проблемы возникали в результате подобного существования представить нетрудно. Семья «лишенца» П.Атаманчука находилась в тех же условиях, что и тысячи других социальных изгоев Советской республики.

Между тем, определенную дисгармонию в дело внесла автобиография супруги П.Атаманчука – Марии Ильиничны. Данный документ своим «чуждым» звучанием заметно выбивался из общего контекста идеологически приемлемых показаний и самого «лишенца», и его свидетеля. Неожиданно откровенно женщина признавалась в следующем: «Родилась в городе Киеве в 1898 году. Отец служил на железной дороге, мать занималась домашним хозяйством. Окончила двухклассное училище в 1915 году. Поступила в обмундировочную мастерскую в 1916 году. В 1918 году поступила на железную дорогу, где работала на станции Киев I товар до 1920 года. Нигде и ни в каких политических организациях не работала. В 1922 году начала торговать по патенту II разряда и торговала с перерывами до 1926 года. С 1926 года по настоящее время живу на иждивении мужа – ломового извозчика. Нигде не работаю, занимаюсь домашним хозяйством. Имею дом по улице Протасов Яр, который купила 19 мая 1926 года за 1500 руб. Имею четверо детей. Сама я живу в наемной квартире в доме № 2 по Н.-Вокзальной улице. Занимаю квартиру 2 комнаты 5 сажень и кухню 2^{1/2} сажень. Плачу 7 руб. за квартиру. В квартире живет нас 7 человек» [5, л. 6]. При этом фразы «В 1918 году» и «В 1922 году начала торговать по патенту II разряда ... с перерывами ... 1926 года» в тексте также подчеркнуты [5, л. 6] (по понятным причинам, трудовая деятельность гражданки до революции советского чиновника не интересовала и на ней акцентировать внимание он не считал нужным, а вот «непролетарское» занятие торговлей после Октяб-

ря 1917 г. необходимо было зафиксировать визуально. Факт же покупки дома, по непонятным причинам, выделен не был).

Чистосердечная, без малейшего намека на желание уклониться от истины и завуалировать особо нежелательные факты, автобиография Марии Атаманчук откровенно диссонирует с лояльной полуправдой мужа. Нет в документе и намерения разжалобить или хотя бы объяснить причину занятия торговлей, информация излагалась сухо и сдержанно. Хотя в документах подобного рода такие психологические приемы были нередки: «В годы моей безработицы я не имел средств к существованию, поддержкой чужих добывал, и только на денное пропитание ...»; «После демобилизации... я, не найдя работы по найму, вынужден был в виду крайней нужды заняться мелкой торговлей в разнос...»; «В виду тяжелого материального положения и болезни туберкулеза легких, я вынужден был поступить на службу расчетчиком казино...»; «Обсеилась детьми. Муж мой повел жизнь несамостоятельную, начал тянуть из дому все... Имея корову выносила на рынок молоко... Это все заставила делать меня моя жизнь связанная с недостатком материальных средств» [7, л. 93, 121, 125; 8, л. 5]. Мария Ильинична предпочла к подобной риторике не прибегать. Можно предположить, что и дом, приобретенный на заработанные нелегким торговым делом средства, она сдавала в аренду, чтобы приносить свою часть дохода в семейный бюджет и кормить детей – иначе как объяснить то, что имея недвижимость, большая семья довольствовалась небольшой и относительно дешевой съемной жилплощадью? Достойная женщина, многодетная мать, в тяжелое время ищущая способы выживания – такой представляется М.И.Атаманчук.

К сожалению, в деле отсутствует окончательная резолюция относительно решения вопроса. Был ли П.Атаманчук восстановлен в избирательных правах или оставлен в списках «лишенцев» выяснить не удалось. Предположительно, дело могли решить в его пользу. Анализ

имеющейся документации позволяет выявить, как минимум, три причины для возвращения ему права голоса: даже если П.Атаманчук действительно до 1925 г. торговал, на момент начала рассмотрения дела он уже пять лет не являлся частником, а занимался общественно-полезным трудом, работая ломовым извозчиком; на иждивении жены – бывшей торговки – не находился; выполнял общественную работу, являясь членом Международной организации помощи борцам революции (МОПР) и Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим).

Выводы. Таким образом, проанализированные документы раскрывают драматическую судьбу людей, насильственным образом оказавшихся вне социума. Преследование граждан с трудовой биографией по неубедительным и до конца не доказанным причинам заставляет усомниться в качестве работы советской бюрократической машины, так и не

отладившей до конца процесс разоблачения и наказания «чуждого элемента». Очевидна откровенная небрежность в составлении дела. Названная причина лишения прав не подтверждена никакими документами и свидетельствами. Возможно, таковые и имелись, но в деле не фигурируют, что недопустимо при решении судьбоносного вопроса, буквально переворачивающего человеческую жизнь максимальным понижением социального статуса. Видимо, поставленный на поток поиск врагов и погоня за рекордами в этой области не позволяли советским чиновникам глубоко вникнуть в суть каждого отдельного случая, собрать достоверную информацию о человеке, а следовательно, и тщательно установить правовую подоплеку лишения прав. Дело П.С.Атаманчука – важнейшее свидетельство времени, отразившее не только политико-идеологические, но и личностные аспекты процесса искусственной маргинализации общества.

ИСТОЧНИКИ:

1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918>.
2. Государственный архив Харьковской области (далее – Госархив Харьковской области), ф. Р-408, оп. 4, д. 1571, 97 л.
3. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 22, д. 258, 118 л.
4. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, ф. 1, оп. 2, д. 1042, 150 л.
5. Государственный архив города Киева, ф. Р-331, оп. 2, д. 928, 7 л.
6. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 2, д. 601, 9 л.
7. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 4, д. 1256, 133 л.
8. Госархив Харьковской области, ф. Р-408, оп. 6, д. 266, 23 л.